

мѣра исторической правды иногда вѣрнѣе достигается уменьшеніемъ свѣта, чѣмъ блескомъ и яркостью красокъ".

Перейдемъ теперь къ двумъ статьямъ, одинаково отличающимся спеціальнымъ характеромъ своего содержанія. Одна изъ нихъ передаетъ результаты ученаго изслѣдованія Швеглера о вопросахъ, связанныхъ съ началомъ Рима. Мы не посовѣтуемъ углубляться въ эту слишкомъ объемистую статью читателямъ, не имѣющимъ спеціальнаго интереса къ разсматриваемому въ ней вопросу; но мы сожалѣли бы, еслибы издатели, имѣя въ виду вкусы большинства, опустили статью о Швеглерѣ. Книга этого замѣчательнаго ученаго, составляющая краеугольный камень для изслѣдованій римской старины, не переведена на русскій языкъ; не переведенъ и Нибуръ, гипотезы котораго разбираетъ и исправляетъ Швеглеръ, а между тѣмъ знаніе новыхъ языковъ не увеличивается, а скорѣе уменьшается среди учащихся филологовъ и юристовъ. Но помимо этого статья важна для оцѣнки добросовѣстнаго трудолюбія и ученаго направленія занятій Кудрявцева. Онъ не излагаетъ только Швеглера, но, изучивъ вопросъ и относящуюся къ нему литературу, разбираетъ мнѣнія тюбингенскаго ученаго, и, когда находитъ нужнымъ, отдѣляется отъ нихъ.

Вводя въ русскую литературу Швеглера, Кудрявцевъ считалъ необходимымъ познакомить читателей и съ вышедшей нѣсколько раньше книгой противоположнаго направленія, съ сочиненіемъ базельскихъ ученыхъ Герлаха и Бахофена, возвратившихся къ до-Нибуrowsкому взгляду на начало Рима и отвергавшихъ рѣшительно всѣ сомнѣнія и выводы исторической критики. „Римская исторія давно кончена, но для римской исторіографіи далеко еще не видится конца впереди“, совершенно справедливо могъ начать свою статью Кудрявцевъ. Такое положеніе науки подало ему поводъ еще разъ высказать свой взглядъ на ея характеръ. „Наука не равнозначительна понятію полной побѣды: борьба съ даннымъ матеріаломъ, усиліе одолѣть его мыслью—необходимое условіе ея существованія и главный признакъ ея жизненности. Не то вызываетъ цѣну личнаго воззрѣнія, что оно не встрѣчаетъ себѣ много возраженій, но сила движенія, возбужденнаго имъ въ наукѣ, и плодотворность идеи, положенной ему въ основаніе“. И, вспоминая о Нибурѣ, Кудрявцевъ прославляетъ его заслуги въ великолѣпномъ образѣ. Указавъ на то, что всякую книгу по римской исторіи мы встрѣчаемъ вопросомъ, какъ относится она къ Нибуру, и что нѣтъ еще книги, которая не спѣшила бы дать за себя отвѣтъ на этотъ вопросъ, Кудрявцевъ продолжаетъ: „путешественники, видѣвшіе развалины Вавилона, говорятъ, что на